эта роль выпала Государственной думе, что и показано в монографии А.Б. Николаева.

Примечания

¹ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005; Николаев А.Б. Реформы Временного правительства // Реформы в России. С древнейших времён до конца XX в. Т. 3. М., 2016. С. 361—413; Николаев А.Б. Третьемартовская политическая система // Российская революция 1917 года: власть, общество, культура. Т. 1. М., 2017. С. 457—461; Николаев А.Б. Реформы Временного правительства // Там же. С. 480—501; Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 г. В 2 т. СПб., 2017.

² Депутаты говорили об этом с момента их издания. См.: Государственная Дума первого созыва: Стенографический отчёт. Т. 1. СПб., 1906. С. 95; См. также: Езерский Н. Государственная дума первого созыва. Пенза, 1907. С. 144.

³ См. также: Николаев А.Б. «Учреждение», а не «помещение». Таврический дворец // 1917 г. Вокруг Зимнего. М., 2017. С. 164—186.

⁴ Соловьёв К.А. Прогрессивный блок в январе—феврале 1917 г. // Великая российская революция, 1917: сто лет изучения. Материалы международной научной конференции. М., 2017. С. 124—129.

⁵ Галич Л. О способах борьбы с властью // Свобода и культура. 1906. № 5. С. 356; Долгоруков П.Д. О расширении деятельности партии // Вестник партии народной свободы. 1906. № 16. Стб. 1029; Изгоев А.С. Из заметок о тактике // Там же. № 25—26. Стб. 1400.

* * *

Александр Пученков, Николай Смирнов

Думская революция?*

Aleksandr Puchenkov (Saint Petersburg State University, Russia),

Nikolay Smirnov (Saint Petersburg Institute of History, Russian Academy of Sciences)

Duma revolution?

DOI:

Фундаментальная монография петербургского историка, профессора, заведующего кафедрой русской истории РГПУ им. А.И. Герцена Андрея Борисовича Николаева, на протяжении уже почти трёх десятилетий увлечённо изучающего историю Февральской революции 1917 г., продолжает, расширяя и дополняя, его монографии 2002 и 2005 гг.¹ и буквально поминутно реконструирует события, происходившие в Петрограде в конце февраля — марте 1917 г. В центре внимания автора — место Государственной думы в революционном про-

цессе, которое традиционно принижалось в советской историографии. Уже в названии предыдущей монографии (и докторской диссертации) Николаева ощущалась своеобразная полемика с книгой «Революция и власть», написанной замечательным ленинградским историком В.И. Старцевым, много лет проработавшим в РГПУ (бывшем ЛГПИ) им. А.И. Герцена. В этом, несомненно, знаковом для своего времени исследовании на первом плане находился Петроградский совет рабочих и солдатских депутатов, представленный в «момент Февральской револю-

* Николаев А.Б. Думская революция: 27 февраля — 3 марта 1917 года. В 2 т. Т. 1. 592 с.; Т. 2. 447 с. СПб.: РГПУ им. А.И. Герцена, 2017.

ции как орган революционного народа»². Подобная оценка восходила ещё к сталинской «Истории Гражданской войны в СССР», в которой утверждалось, что Петроградский совет «в действительности обладал силой... был своего рода правительством», хотя и добровольно отдал «завоёванную солдатами и рабочими власть в руки буржуазии»³.

Николаев считает иначе. По его мнению, в 1917 г. существовало два «центра революции» — «думский и советский», но именно «Государственная дума играла руководящую роль» (т. 2, с. 267)⁴. Обобщая имеющиеся в историографии наработки, Николаев выводит их на качественно иной уровень, чему способствует как использование большого количества неизвестных ранее источников, так и оригинальная трактовка обстоятельств Февраля. В основу работы положен уникальный корпус документов, извлечённых из российских и зарубежных архивов, и прежде всего — из фонда Государственной думы РГИА, где хранятся подлинники отчётов думских комиссий (в том числе материалы Военной комиссии Временного комитета Государственной думы), личные дела депутатов, их переписка и т.д. В своих суждениях автор свободен от какой-либо предвзятости, приверженности позиции того или иного партийного органа, царской Ставки и т.п. Последовательно и дотошно анализируя действия Временного комитета Государственной думы (ВКГД), он характеризует взаимоотношения думцев с царём, правительством, Петроградским советом, пишет об отречении Николая II и отказе вел. кн. Михаила Александровича принять верховную власть.

Разумеется, Николаев упоминает сотни имён знаменитых и вовсе не известных прежде героев Февраля. Основательно показана роль в революционных событиях А.И. Гучкова, П.Н. Милюкова, В.В. Шульгина, Б.А. Энгельгардта и др., но особое внимание правомерно уделяется М.В. Родзянко, который в те дни, казалось, ненадолго достиг положения «высшего лица в государстве» (т. 2, с. 217). При этом, возможно, Николаеву следовало подробнее рассказать о дальнейшей судьбе председателя Государственной думы, которому так и не удалось найти себе место на белом Юге. Отношение к нему в белогвардейской среде было, как правило, резко неприязненным. Добровольцы говорили: «Ишь, сам устроил революцию, а теперь от неё же спасается»⁵. Судя по воспоминаниям И.Ф. Патронова, представления строевых

офицеров о причинах падения самодержавия «были весьма просты: в революции виновата Государственная дума, Родзянко, Милюков и прочие лидеры её; в развале армии — Гучков, подписавший приказ № 1, Керенский, издавший Декларацию прав. Оттого-то неудержимая ненависть по отношению к подобным лицам проявлялась всегда в душе строевого офицерства... Винили, конечно, не Петров или Иванов, а тех, кто сказал им — делай, что хочешь, ныне свобода»⁶.

Подробно осветив взаимодействие двух «центров революции», Николаев отмечает, что «думско-советскому сотрудничеству был нанесён серьёзный удар со стороны Петроградского совета, когда он издал свой знаменитый приказ № 1» (т. 1, с. 449). Он действительно имел «катастрофические последствия» для русской армии и фактически разложил её⁷. Но ведь его появление во многом объяснялось игнорированием армейских проблем членами ВКГД⁸.

Далеко не все историки разделяют «думоцентризм» А.Б. Николаева. Его главный тезис — о том, что Дума являлась «штабом восстания» (т. 1, с. 236), — наверняка ещё долго будет вызывать споры. О причинах, побуждавших думцев оказать поддержку восставшим, а также о судьбе Думы после победы над царизмом, вероятно, ещё немало будет написано. Тем не менее А.Б. Николаевым создана крупнейшая на данный момент обобщающая монография по истории Февральской революции, которой будет пользоваться не одно поколение историков.

Примечания

¹ Николаев А.Б. Государственная дума в Февральской революции: очерки истории. Рязань, 2002; Николаев А.Б. Революция и власть: IV Государственная дума, 27 февраля — 3 марта 1917 г. СПб., 2005; Николаев А.Б. Революция и власть: Государственная дума IV созыва 27 февраля — 3 марта 1917 г. Дис. ... д-ра ист. наук. СПб., 2005.

² Старцев В.И. Революция и власть: Петроградский Совет и Временное правительство в марте—апреле 1917 г. М., 1978. С. 20.

³ История Гражданской войны в СССР. Т. 1. М., 1935. С. 78, 83.

⁴ Схожих взглядов придерживаются и некоторые другие исследователи. См., в частности: Калашников В.В. Ответы на десять вопросов по истории Февральской революции // Февральская революция 1917 года: проблемы истории и историографии. Сборник докладов

международной научной конференции. СПб., 2017. С. 51.

⁵ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 558, л. 23. Значительная часть белого офицерства видела в Родзянко прямого виновника революции (*Федоренко Л.* Организация контрреволюции на Кубани и Кубанская краевая рада (Воспоминания б. члена Рады) // *Путь коммунизма*. 1922. Кн. 3. С. 97).

⁶ ГА РФ, ф. Р-5881, оп. 2, д. 557, л. 63—64.

⁷ *Соболев Г.Л.* Революционное сознание рабочих и солдат Петрограда в 1917 г. (период двоевластия). Л., 1973. С. 85; *Смирнов Н.Н.* Февраль и российская государственность // *Россия в XIX—XX вв. Сборник статей к 70-летию со дня рождения Рафаила Шоломовича Ганелина*. СПб., 1998. С. 312.

⁸ В этом отношении весьма любопытен рассказ полковника Б.А. Энгельгардта, записанный 27 июля 1917 г.: «В ответ на запрос Временного комитета Государственной думы о том, что мне известно о происхождении приказа № 1, я, как бывший председатель Военной комиссии Временного комитета Государственной думы и комендант Петрограда в первые два дня революции, имею честь сообщить следующее: Поздно вечером, 1 марта, когда выяснилось, что весь Петроград находится в руках революционных войск, ко мне в Государственную думу пришли выборные солдаты от, приблизительно, 20 различных частей Петроградского гарнизона и заявили, что они не могут доверять своим офицерам, которые не приняли участие в революционных выступлениях, а посему они требуют издания приказа о производстве выборов офицеров в ротам, эскадронах, батареях и командах. Приказ, проектировавшийся ими, много меньше затрагивал основы воинской дисциплины, чем приказ № 1, и касался лишь выборов младших офицеров и устанавливал некоторое наблюдение солдат за хозяйством в

частях войск. О моих переговорах с представителями Петроградского гарнизона я сообщил Временному комитету Государственной думы, но все члены его, а также Александр Иванович Гучков (присутствовавший на заседании) категорически воспротивились изданию подобного приказа, находя невозможным сгоряча и наспех решать подобный вопрос. Несколько позднее ко мне явился член Совета рабочих депутатов (лично мне неизвестный, в солдатской форме) и предложил мне, как председателю Военной комиссии, принять участие в разработке приказа, регулирующего на новых началах взаимоотношения офицеров и солдат, на что я ему возразил, что Временный комитет Государственной думы находит такой приказ преждевременным. На это он повернулся кругом и на ходу сказал: «Тем лучше, напишем сами». Днём, 2 марта, приказ № 1 появился в свет» (РГИА, ф. 1278, оп. 10, д. 5, л. 36—36 об.). О «сокрушительных» последствиях приказа № 1 «для фронта» писал и управляющий делами Министерства юстиции Временного правительства А.А. Демьянов, полагавший, правда, что «приказ № 1 и Декларация прав солдата сами по себе не представляли ничего экстравагантного по своему содержанию» и «не будь приказа № 1, сыграл бы ту же роль другой приказ или другая какая-либо бумажка» (ГА РФ, ф. Р-6632, оп. 1, д. 17, л. 53, 55.). «Чтобы покончить с приказом № 1, — добавлял Демьянов, — следует упомянуть о его значении с точки зрения положительной. Ко времени опубликования приказа в солдатской массе уже создалось антиофицерское настроение. Счастливые праздничные дни революции прошли. Были уже случаи открытого выступления солдат против своих офицеров, были уже убиты солдатской толпой офицеры. Опасные настроения возрастали. С изданием приказа № 1 эти настроения сразу утихли» (Там же, д. 14, л. 83).